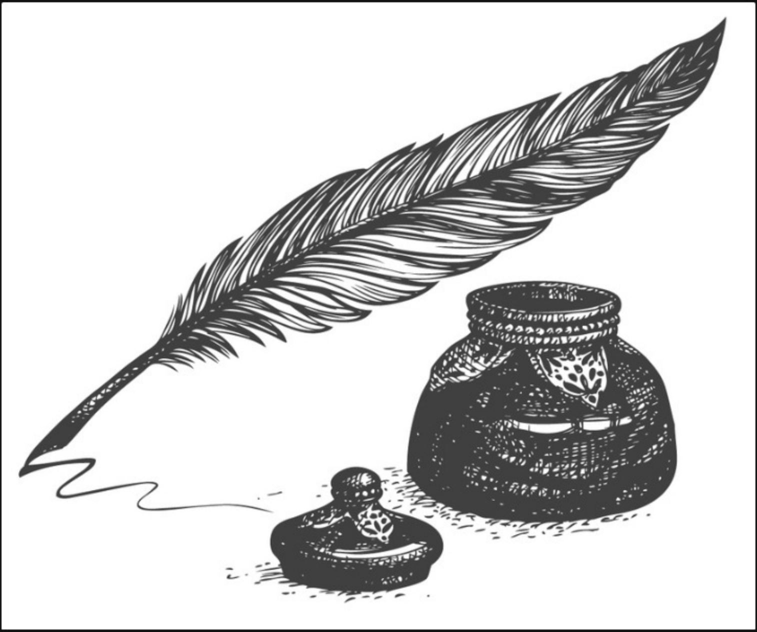
В. И. Даль. «НАПУТНОЕ СЛОВО» (к Толковому словарю)



Напутное слово

Читано в Обществе Любителей Русской словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.

Во всяком научном и общественном деле, во всём, что касается всех и требует общих убеждений и усилий, порою проявляется ложь, ложное, кривое направление, которое не только временно держится, но и берёт верх, пригнетая истину, а с нею и всякое свободное выражение мнений и убеждений. Дело обращается в привычку, в обычай, толпа торит бессознательно пробитую дорожку, а коноводы только покрикивают и понукают. Это длится иногда довольно долго; но, вглядываясь в направление пути и осматриваясь кругом, общество видит наконец, что его ведут вовсе не туда, куда оно надеялось попасть; начинается ропот, сперва вполголоса, потом и вслух, наконец поднимается общий голос негодования, и бывшие коноводы исчезают подавленные и уничтоженные таким же большинством, которое до сего сами держали под своим гнётом. Общее стремление берёт иное направление, и с жаром подвизается на новой стезе.

Кажется, будто бы такой переворот предстоит ныне нашему родному языку. Мы начинаем догадываться, что нас завели в трущобу, что надо выбраться из неё поздорову и проложить себе иной путь. Всё, что сделано было доселе, со времён петровских, в духе искажения языка, всё это, как неудачная прививка, как прищепа разнородного семени, должно усохнуть и отвалиться, дать простор дичку, коему надо вырасти на своём корню, на своих соках, сдобриться холей и уходом, а не насадкой сверху. Если и говорится, что голова хвоста не ждёт, то наша голова, или наши головы умчались так далеко куда-то вбок, что едва ли не оторвались от туловища; а коли худо плечам без головы, то некорыстно же и голове без тула. Применяя это к нашему языку, сдаётся, будто голове этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо испошлеть донельзя, либо, образумясь, своротить на иной путь, захватив притом с собою все покинутые второпях запасы.

Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковского, Пушкина и на некоторых нынешних даровитых писателей, не ясно ли, что они избегали чужеречий, что старались, каждый по своему, писать чистым русским языком? А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений — я не раз был свидетелем.

Вот в каком отношении пишущий строки эти полагает, что пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении; только в самое последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительной любознательности*. Они воображали, что могут сами составить язык из самоделковых слов, скованных по образцам славянским и греческим; другие, вовсе не заботясь об изучении своего языка, брали готовые слова со всех языков, где и как ни попало, да переводили дословно чужие обороты речи, бессмысленные на нашем языке, понятные только тому, кто читает нерусскою думою своею между строк, переводя читаемое мысленно на другой язык.

> **. В этом отношении за Русской Академией большая заслуга: издание областного словаря; но он издан сырым, как запасы были доставлены, без всякой критики. Это не труд учёного братства, а весьма важный подарок, не входившего в рассмотрение рукописи, издателя.*

Знаю, что за мнение это составителю словаря несдобровать. Как сметь говорить, что язык, которым пишут оскорблённые таким приговором писатели, язык нерусский? Да разве можно писать мужицкою речью Далева словаря, от которой издали несёт дёгтем и сивухой, или покрайности квасом, кислой овчиной и банными вениками?

Нет, языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все, решавшиеся на такую попытку, и в том числе, может быть, и сам составитель словаря; но из этого вовсе не следует, чтобы должно было писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего; а из этого следует только, что у нас ещё нет достаточно обработанного языка, и что он, не менее того, должен выработаться из языка народного. Другого, равного ему источника нет, а есть только ещё притоки; если же мы, в чаду обаяния, сами отсечём себе этот источник, то нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем растить и питать свой родной язык чужими соками, как делают растения тунеядные, или прищепой на чужом корню. Пусть же всяк своим умом рассудит, что из этого выйдет: мы отдалимся вовсе от народа, разорвём последнюю с ним связь, мы испошлеем ещё более в речи своей, отстав от одного берега и не пристав к другому; мы убьём и погубим последние нравственные силы свои в этой упорной борьбе с природой, и вечно будем тянуться за чужим, потому что у нас не станет ничего своего, ни даже своей самостоятельной речи, своего родного слова.

Не трудно подобрать несколько пошлых речей или поставить слово в такой связи и положении, что оно покажется смешным или пошлым, и спросить, отряхивая белые перчатки: этому ли нам учиться у народа? но, не гаерствуя, никак нельзя оспаривать самоистины, что живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей, для развития образованной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, каженика.

Откуда мы взяли *исправленный* нами язык, где родился он, в книгах или в устном говоре? Можно ли отрекаться от родины и почвы своей, от основных начал и стихий, усиливаясь перенести язык с природного корня его на чужой, чтобы исказить природу его и обратить в растение тунеядное, живущее чужими соками?

Если ныне кто вздумает писать по-русски, то либо спочину же умолкает под свистками коноводов, которых брезгливые уши к такой речи непривычны, либо сам на первых же порах осекается, не доискавшись слова. У нас нипочём путать *обознаться* и *опознаться*, *обыденный* и *обиходный*, и, не чая за собой греха, высказать противное тому, что хотел… Я не выдумываю, а привожу бывалые и недавние примеры, и прошу указать мне, на каком другом языке писатель, зная в таком размере язык свой, осмелится взяться за перо? В романе *Путеводитель в пустыне*, по-русски *степной вожак*, есть прозвище *Открыватель следов*, и это такой же выродок грамотейства, как самое заглавие, грамотейства, которое становится на ходули, или покрайности подбоченивается, взявшись за перо: английское pathfinder в точности переводится русским *выследчик*; но, во-первых, в словарях наших нет ни *выследчика*, ни даже глагола *выслеживать, выследить*; во-вторых, английское слово составлено из двух слов, стало быть и нам надо, бросив своё слово или даже не ища его, сковать новое, из двух же, а затем, указывая на уродливое детище своё, попенять на неуклюжесть русского языка! Два русских профессора озаглавили книгу свою: *Обыденная жизнь*, вместо *обиходная*; *обыденная* значит: суточная, однодневная, откуда и церкви, срубленные по обету в один день, общей помощью, называются *обыденными* (в Москве, в Вологде); *обыденки* — сутки, день, и обыденками же зовут мух или мотыльков, живущих несбольшим сутки, эфемеры*…

> **. Искренне прошу извинения у писателей, всеми уважаемых, но заставивших меня указать на эти примеры. Примеры нужны, и они вдвое убедительнее, коли относятся до лиц известных; лично их, право, винить нельзя, все мы в одинаковом положении — так наша печь печёт!*

Но что об этом широко толковать — эти примеры вспали мне на ум; не стоит рыться за ними и терять попусту дорогое время, а можно бы найти не сотни, а тысячи подобных. Что же выйдет из речи нашей, если мы пойдём зря и без оглядки этим путём? — не понимая ни русской речи, ни друг друга, мы станем людьми без речей, бессловесными, или же поневоле будем объясняться по-французски. Решите, что это хорошо, и продолжайте.

Но лучше не станем оправдываться в поголовном грехе своём — у нас же пришла ныне пора покаяния, — а скажем просто и прямо, как дело есть, что пишем так, как пишется, не потому. чтобы это было хорошо, полезно и красиво, а что так, видно, было нам доселе на роду написано; в молодости негде и некогда было научиться по-русски, а возмужав, нам стало и лень, и опять-таки негде и некогда. Да, за недосугом когда-нибудь без покаяния умрёшь!

Но с языком, с человеческим словом, с речью, безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека, это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом: без слов нет сознательной мысли, а есть разве одно только чувство и мычание. Дух не может быть порочен, в малоумном та же душа — ума много, да вон нейдёт; отчего? Вещественные снаряды служат ему превратно, они искажены; дух ими пригнетён, он под спудом, а без вещественных средств этих, в вещественном мире, дух ничего сделать не может, не может даже проявиться.

Какой ученый немец поверил бы, лет за двести, что язык его, разве за малыми изъятиями, вовсе не нуждается в латыни с немецким окончанием? А между тем, дело обошлось, благодаря отрезвившихся от мороки делателей; истина устояла, а ложь погибла. Перед нами же и другой, обратный пример: у соседей наших, братьев одного корня, славянский язык слился с западными языками и образовал новый язык, обильный принятыми в себя источниками; но от этого насилия его обдало мертвизною, и он окоснел, что ярко выразилось утратою им своего слогоударения, которое раз навсегда замерло на предпоследней гласной.

Не знаю, насколько мне надседаясь удастся убедить в истинах этих читателя, но знаю, что они укрепились во мне с тех пор, как я начал сознательно жить; иначе, конечно, не стало бы меня на то, чтобы отдать полжизни некорыстному труду, коего конца я никогда не чаял увидеть…

И вот с какою целью, в каком духе составлен этот словарь: писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, *живого русского языка*. Много ещё надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего родного слова, привести их в стройный порядок и поставить полный, хороший словарь; но без подносчиков палаты не строятся; надо приложить много рук, а работа черна, невидная, некорыстная…

С той поры, как составитель этого словаря себя помнит, его тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего с устною речью простого русского человека, не сбитого с толку грамотейством, а стало быть и с самим духом русского слова. Не рассудок, а какое-то тёмное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этот нестройный лепет, с отголоском чужбины, за русскую речь. Для меня сделалось задачей выводить на справку и поверку: как говорит книжник, и как выскажет в беседе ту же, доступную ему мысль человек умный, но простой, неучёный — и нечего и говорить о том, что перевес, по всем прилагаемым к сему делу мерилам, всегда оставался на стороне последнего. Не будучи в силах уклониться ни на волос от духа языка, он поневоле выражается ясно, прямо, коротко и изящно.

Жадно хватая налету родные речи, слова и обороты, когда они срывались с языка в простой беседе, где никто не чаял соглядатая и лазутчика, этот записывал их, без всякой иной цели и намерения, как для памяти, для изучения языка, потому что они ему нравились. Сколько раз случалось ему, среди жаркой беседы, выхватив записную книжку, записать в ней оборот речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось с языка — а его никто и не слышал! Все спрашивали, никто не мог припомнить чем-либо замечательное слово — а слова этого не было ни в одном словаре, и оно было чисто русское! Прошло много лет, и записки эти выросли до такого объема, что при бродячей жизни, стали угрожать требованием особой для себя подводы.* Пришлось призадуматься над ними, и решить, хлам ли это, с которым надо развязаться, свалив его в первую сорную яму, или хлам этот ряд-делу и с добрым притвором пойдёт в квашню, и даст хлебы, и насытит?

> **. Живо припоминаю пропажу моего вьючного верблюда, ещё в походе 1829 года, в военной суматохе, перехода за два до Адрианополя: товарищ мой горевал по любимом кларнете своём, доставшемся, как мы полагали, туркам, а я осиротел, с утратою своих записок: о чемоданах с одёжей мы мало заботились. Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка, и всё это погибло. К счастью, казаки подхватили где-то верблюда, с кларнетом и с записками, и через неделю привели его в Адрианополь. Бывший при нём денщик мой пропал без вести.*

Просмотрев запасы свои, собиратель убедился, что в громадном сору накопилось много хлебных крупиц, которые, по русскому поверью, бросать грешно.

Началась разборка в азбучном порядке*, и, за отделением небольшого числа песен (переданных П. В. Киреевскому) и нескольких стоп сказок (отданных Г. Афанасьеву), выбралось на очистку десятка два кип в лист, относящихся до языка, пословиц, слов и оборотов речи. Что с ними делать? обработать и издать в виде запасов или прибавления к словарям — работы много, а толку мало; выйдет ни то ни сё, да и пригодно разве тому только, кто бы сам стал работать словарь; покинуть не обрабатывая — жаль, сердце не к тому лежит; передать кому-нибудь, кто бы смог и захотел заняться этим делом — так нет в виду таких людей, да и половины кратких заметок моих никто без меня не поймёт; хорошо бы приискать товарища, к которому, вместе с запасами своими, можно было бы примкнуть помощником, и работать вместе — но, сколько ни думал, и такого человека не знаю.

> **. Сделаю при сём пустую, но важную в приёмах такого дела, заметку: все подобные сборники должны писаться вчерне, в записках, на одной только странице, покидая другую пробелом; тогда можно в своё время расстричь их и подобрать в каком угодно порядке, нанизывая или приклеивая столбцами. Если об этом не подумать вовремя, то придётся переписывать снова по крайней мере целую половину запасов, что отымет много времени и может прибавить несколько ошибок и опечаток.*

Один из бывших министров просвещения (кн. Шихматов), по дошедшим до него слухам, предложил мне передать академии запасы свои, по принятой в то время расценке: по 15 коп. за каждое слово, пропущенное в словаре академии, и по 7½ коп. за дополнение и поправку. Я предложил, взамен этой сделки, другую: отдаться совсем, и с запасами, и с посильными трудами своими, в полное распоряжение академии, не требуя и даже не желая ничего, кроме необходимого содержания; но на это не согласились, а повторили первое предложение. Я отправил 1000 прибавочных слов и 1000 дополнений, с надписью: *тысяча первая*. Меня спросили, много ли их ещё в запасе? Я отвечал, что верно не знаю, но во всяком случае десятки тысяч. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, по-видимому, не входила в расчёт, и сделка оборвалась на первой тысяче.

Что же дальше делать? очевидно, надеяться на Бога да на себя, и самому приниматься за дело; я зашёл слишком далеко и деваться некуда, бросать всех запасов этих нельзя.

Собиратель не пугался того, что на дело это едва ли станет всего остатка жизни его, предоставив раз навсегда заботу о жизни и смерти провидению;

но он робел перед трудностью задачи, считая её непосильной для себя, и потому счёл нужным обсудить и взвесить наперёд беспристрастно силы и средства свои, то есть познания и способности. Оказалось наповерку, что первых, для глубокого учёного труда, было недостаточно, а именно недоставало общих познаний языковедения и основательного знания прочих славянских языков и наречий; недоставало даже и того, что у нас называют основательным знанием своего языка, то есть научного знания грамматики, с которой составитель словаря искони был в каком-то разладе, не умея применить её к нашему языку и чуждаясь её, не столько по рассудку, сколько по какому-то тёмному чувству опасения, чтобы она не сбила его с толку, не ошколярила, не стеснила свободы понимания, не обузила бы взгляда. Недоверчивость эта основана была на том, что он всюду встречал в русской грамматике латинскую и немецкую, а русской не находил.

Вот чего, по обсуждению его самого, ему недоставало; а нашлось зато, во-первых, большой склад запасов, не вошедших доселе в наши словари; во-вторых, сильное сочувствие к живому русскому языку, как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине, и некоторое понимание его, близкое с ним знакомство, могущее, хотя в одном этом направлении, заменить учёность; нашлась наконец и любовь к нему, ручавшаяся за одоление труда, за стойкую усидчивую работу над этим делом, по конец жизни. Кроме сего, разнородность занятий и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, в различных частях низшего управления, наклонность к наукам естественным и ко всем ремесловым работам, ознакомили его, по языку и по понятиям, с бытом разных сословий и состояний, наук и знаний.

Сведя итоги всех данных, собиратель приободрился. Всего одному не дано, да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талан, который он и обязан пускать в оборот, а не зарывать вместе с собою в землю. Кому много дано, с того много и взыщется. Найдутся более даровитые и учёные труженики, которым уже легче будет дополнить, чего недостаёт, найдя одну часть дела готовою. Может быть именно тот, кто успешно введёт в русский словарь сравнения со всеми славянскими наречиями, кто вставит в наш древний язык, и указания на начальные корни, может быть он-то именно и затруднился бы составлением той части, которая образует основу и сущность моего словаря; во всяком же случае, дополнять и исправлять полегче, чем составлять вновь. Передний заднему мост.

Итак, ограничась теми средствами и силами, какие нашлись, и положив живой, устный язык русский, а паче народный, в основу своего труда, собиратель решился приступить к делу.

Но, полагая народный язык в основу словаря — потому что язык этот силён, свеж, богат, краток и ясен, тогда как письменный язык наш видимо пошлеет, превращаясь в какую-то пресную размазню, — должно было наперёд рассудить, как смотреть на все местные наречия или говоры, из которых язык народный слагается?

По нашему мнению, дело это просто и ясно: за исключением на юге и западе, ближайшего соседа Малой и Белой Руси, у нас на всю ширь Великой Руси, нет *наречий*, а есть разве одни только *говоры*. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и с прибавкою весьма немногих, образованных на месте, речений, всегда верных общему духу язык. У нас вовсе нет того, что другие народы зовут *жаргоном*, чему у нас и нет даже названия, то есть наречия искажённого, картавого, порождения племени, принявшего по обстоятельствам чужой язык и обработавшего его по-своему; у нас есть нечто подобное только у полуобрусевших инородцев, да и те, особенно чудские племена, удивительно быстро русеют, и тогда вполне усваивают себе дух нашего языка. Наши местные говоры — законные дети русского языка и образованы правильнее, вернее и краше, чем наш письменный *жаргон*. В сём отношении мы поставлены в более счастливое положение, чем западные европейцы, но доселе, обойдённые лешим пристрастия, подражания и тщеславия, избалованные привозом всего готового из-за моря, мы небрегли своим, в чаянии, что и готовый, обработанный, развитый язык, без которого образованному обществу и жить и быть нельзя, подвезут нам оттуда, заодно с винами и чепцами.

Напишите слово, называемое вами областным, как мы вообще пишем, не подделываясь под говор, а как оно, по образованию своему, должно писаться, и смело ставьте его на своё место, в общий великорусский словарь. Изъятий найдётся немного и там только, где какая-либо чуждая, побочная стихия внесла искажения, чему примером могут служить губернии Псковская и Тверская; там попадаются переделки на польский или белорусский лад и слышна поныне *Литва*, как в Новороссийском крае всюду отзывается наречие малорусское. Но и это относится только до нескольких слов, а оборотам русской речи можно поучиться во всякой местности Руси, во всякой деревушке, во всякой лачуге.

Предвидя, что слова эти будут перетолкованы, повторю, для людей добронамеренных, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже все слова речи этой должны быть внесены в образованный русский язык; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить её себе, как всё живое усвояет себе добрую пищу и претворяет её в свою плоть и кровь.

Вот почему так называемые областные слова, нередко общие весьма различным и отдалённым друг от друга говорам и местностям, вошли в этот словарь, и притом, как замечено было кем-то с крайним изумлением, нередко рядком с самыми крутыми французскими словами, кои, в азбучном порядке, пришлись бок-о-бок с вятскими и рязанскими. Но не я вводил первые в печатный язык, и не моя воля изгнать их; а куда же я их дену, коли не на своё место, по азбуке?

Итак, этот вопрос не заставил делателя призадуматься: слова, речи и обороты всех концов Великой Руси, для изучения живого языка, должны войти в словарь, но не для безусловного включения их в письменную речь, а для изучения, для знания и обсуждения их, для изучения самого духа языка и усвоения его себе, для выработки из него постепенно своего, образованного языка. Читатель, а тем паче писатель, сами разберут, что и в каком случае можно принять и включить в образованный язык. Но нашлись другие заботы, другое раздумье, которое решить было не так легко и просто: какой вид придать словарю, как его обработать, в каком, из принятых для словарей, порядке.

Одноязычные словари доселе составлялись двояко: либо все, без изъятия, слова подбирались сподряд в азбучном порядке, и каждое слово объяснялось по себе, будто иных прочих и не бывало, либо слова подбирались целыми ватагами под один общий корень.

Первый способ крайне туп и сух. Самые близкие и сродные речения, при законном изменении своём на второй и третьей букве, разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет; одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил, на десятом слове ум притупеет и голова вскружится, потому что ум наш требует во всём какой-нибудь разумной связи, постепенности и последовательности. Притом, на какую потребу идёт такой словарь? Мёртвый список слов не помощь и не утеха; одноязычный словарь пишется не для школьников и не для иноземцев, и потому разве изредка только русскому человеку могло бы случиться отыскивать встреченное где-либо, неизвестное ему, русское слово, один этот, довольно редкий случай, не вознаградил бы ни трудов составителя, ни даже самой покупки словаря.

Второй способ, корнесловный, очень труден на деле, потому что знание корней образует уже по себе целую науку и требует изучения всех сродных языков, не исключая и отживших, и при всём том основан на началах шатких и тёмных, где без натяжек и произвола не обойдёшься; сверх сего порядок корнесловный, при отыскании слов, предполагает в писателе и в читателе не только равные познания, но и одинаковый взгляд и убеждения, на счёт отнесения слова к тому либо другому корню. В таком словаре, не только *брать, бранье, бирка и бирюлька* войдут в одну общую статью, но тут же будет и *беремя*, и *собирать, выбирать, перебор, разборчивый, отборный*, и одним словом, в каждую статью под общий корень, войдёт чуть ли не вся азбука. Это требует особого, объёмистого указателя, и заставляет отыскивать каждое слово по дважды, а потому и докучает, и утомляет. Корнесловный словарь может только повершить ряд словарей вполне обработанного розысками языка, как особый учёный труд, по заготовленным запасам; но, как противоположная азбучному словарю крайность, он для обихода также не удобен.

Обсудив всё это и сделав несколько неудачных попыток в том и другом роде, составитель снова обратился к азбучному порядку, не видя иного исхода из этой разнорожицы. Ведь словари на всех языках составлены же этим порядком, стало быть это находят удобным... беру опять такой словарь в руки, перелистываю его день и другой — но наконец, с тревожным чувством, откладываю его в сторону. Нет, такой словарь мне не рука. Как я пущу его в дело, как вызову из него и отрою все сокровища, сокрытые в двух досках? Найти слово, которого у меня не хватает, я не могу; просмотреть сряду слова, самые близкие и сродные, чтобы освоиться с основным значением слов этого корня, отыскать под общим, родовым понятием нужные мне выражения, оглянуть закон и порядок словопроизводства, чтобы осмыслить речь свою, — не могу, всё раскинуто врозь; одним словом, это не словарь, а то, что называют *вокабулами*, это список, сборник слов, для затвержения наизусть, поднизка слов, без связи и смысла, для крайне ограниченного употребления, и более для иностранца, чем для русского.

Но, вглядываясь в эти бесконечные столбцы слов, видишь наконец, что с небольшою перетасовкой и за исключением малого числа речений, примешавшихся со стороны и забившихся, по азбучному праву, промеж чужой им семьи, все остальные, целыми купами, показывают очевидную семейную связь и самое близкое родство; устранив понятие о корнях, в том широком смысле, как учёные его понимают, никто, например, не усомнится, что *стоять, стойка* и *стояло*, одного гнезда птицы; да сверх того, у них и первые три начальные буквы одни и те же; а между тем они, по четвёртой букве своей, разнесены врозь (Слов. Акад.) на семь печатных столбцов! Рассматривая эти родственные отношения ближе, мы находим, что такая связь представляет в нашем языке особый и общий закон, который даёт нам неизменные правила образования слов звеньями, цепью, гроздами, так же точно, как мы по общему правилу образуем от глагола причастия, а от них наречия.

В самой вещи, не вдаваясь ни в розыски о корнях, ни в умствования о том, какая часть речи родилась прежде, а какая после, мы видим в языке своём следующую, не подлежащую сомнению, связь и сродство слов.

Глагол, в одном, в двух или трёх, а иногда и четырёх видах, с причастиями своими (прилагательными), наречиями от них и существительными на *ость*; тот же глагол, с окончанием на *ся*; тот же глагол с заменою в конце буквы *и* буквою *е*; четыре имени (иногда менее, изредка более), выражающие действия по глаголу, а два из них также самый предмет; от одного до пяти прилагательных, удерживающих всё то же понятие глагола, но разнообразящих приложение окончаниями своими; наречия от сих прилагательных; существительные от них, означающие свойство, состояние по ним; ещё имена, выражающие не действие, а предмет, как следствие действия, и самого деятеля, лицо; ещё прилагательные, от этих имён, и наконец, иногда, ещё глагол, с каким-либо особым оттенком от значения глагола начального, чем и повершается весь кругоборот слов одной семьи.

Здесь означены только главные члены целого поколения, а в иной семье попадается ещё много промежуточных, как видно из любой статьи нашего словаря. Сюда относятся имена второго колена, на *ак, ец, ыш, рок, анка, инка,* также наречия (кроме произведённых от прилагательных) двух видов: своеобразные (*торчмя*) и творительным падежом (*торчком*) и пр.; и затем, наконец, слова сложные, составные. Замечательна лёгкая подвижность этих построений и жизненная связь их со смыслом. Где только дозволяет смысл, там от глагола может быть образовано требуемое слово, по неизменному правилу; где такое образование противно духу языка или самому смыслу, там язык наш упорно от сего отказывается, а будучи изнасилован, даёт слова тяжёлые, противные слуху и чувству, без всякой силы и значения. Вот почему мы, заглушив в себе природное, бессознательное чутьё к своему языку, лишаемся и силы и способности владеть им и впадаем в оскорбительные для духа языка, мертвящие ошибки. Слово *мертвящие* напомнило мне именно один из таких примеров: Думая не на своём языке и передавая мысли свои в переводе, мы невольно ищем слов, подходящих складом к речениям иноязычным; нам, например, понадобилось образовать из прилагательного *мёртвый* имя, придав ему ещё особый оттенок значения, не умершего, а окованного мертвящею силой, оцепенелого; по примеру: *спертость, черствость,* надо бы сказать *мёртвость*; но мы на грех на этот пример не напали, а взяли за образец: *бренность, откровенность,* и пустили в ход словцо *мертвенность.* Неправильное образование этого слова дерёт ухо, да сверх того, окончание *ость* почему-то противится требованию выразить состояние обмершего, а выражает исконное состояние; вот почему и *мёртвость*, образованное правильно, не совсем отвечает делу; для выражения этого понятия, надо было бы взять слово иного образования, и сказать: *мертви́зна*, и оно бы высказало ясно то, что было на уме писателя. Не сделаются ли отношения эти яснее, не усвоим ли мы себе легче утраченный наш дух языка, при том гнездовом или семейном порядке словаря, какой читатели видят ныне перед собою?

При расположении слов гнёздами, я обычно начинаю с глагола, но иногда имя взяло в гнезде своём такой перевес, что пущено вперёд. Есть много случаев, где глагол устарел, или даже вовсе утрачен, а производные слова полным чередом сохранились. Это впрочем всё равно, закон языка таков, что одно вовсе не может быть без другого, и не только глагол или имя, но и всё гнездо слов, так сказать, появляется зараз. Коли есть глаголы: *ходить, сидеть, лежать*, то есть и *ход, хожденье*, и *сидка, сиденье*, и *лёжка, лежанье* и пр. Поставлю ли я наперёд: *основывать, основать*, и уже затем: *основыванье, основанье, основ, основа*, или начну с *основ*, всё после глагола должны следовать имена, выражающие действие его, а частью и предмет, и выпустить здесь одно из них, принятое за родоначальника семьи, неудобно, а оно должно бы повториться; затем следует и вся ватага прочих частей речи, как показано было выше. В одиночестве стоят только слова чужие или захожие, если они не усвоены и не переделаны со всем потомством своим на русский лад, а также иные наречия, предложные слова, да числительные имена и частицы. Из таких и других, впрочем, нередко также образуются глаголы, рождающие, по общему закону языка, целый ряд слов производных. Из *три* выходит *троить*, из гл. *троить: троение, тройной, тройка*, и пр.; их *ах* или *ох*, делается *ахать, охать*, а затем: *аханье, ахальный, ахала, ахальщик* и пр. Эта семья или гнездо слов полнее у предложных глаголов, которые вообще выражают понятие точнее, определительнее, прикладнее, а потому и более слышны в речи.

Кажется, будущая грамматика наша должна будет пойти сим путём, то есть, развить наперёд законы этого словопроизводства, разумно обняв дух языка, а затем уже обратиться к рассмотрению каждой из частей речи. В деле этом такая жизненная связь, что брать для изучения и толковать отрывочно части стройного целого, не усвоив себе наперёд общего взгляда, то же самое, что изучать строение тела и самую жизнь человека по раскинутым в пространстве волокнам растерзанных членов человеческого трупа. Как верно схвачена была К. С. Аксаковым, при рассмотрении им глаголов, эта жизненная, живая сила нашего языка! глаголы наши никак не поддаются мертвящему духу такой грамматики, которая хочет силою подчинить их одним внешним признакам; они требуют признания в них силы самостостоятельной, духовной, и покоряясь только ей, подчиняются разгаданным внешним признакам этой духовной силы, своего значения и смысла. Так и самый человек никак не покорялся вещественному взгляду учёных, отводивших ему место в животной природе по зубам и ногтям, а стал послушно на своё место, когда положили в основу бытия и различия его: разум, волю и бессмертную душу!

Итак, вот тот порядок, то устройство словаря, на которое составитель решился: собрать по семьям или гнёздам все очевидно сродственные слова, устранив однако же предложные и те производные, в которых изменяются начальные буквы; это попытка на способ средний, между *голословным* и *корнесловным* словарями. В азбучном порядке, для отыскивающих известное слово, есть указания, где его искать, и кажется, с небольшим соображением и навыком, это никого не затруднит.

Причастия и деепричастия пропущены в словаре, для сокращения объема, как известные, по грамматике, части глаголов; но в сущности, *окружённый* и *округлённый* конечно не ближе в родстве с глаголом своим, чем *округление* или *окружный*; и если прлг. *округляемый* также подразумевается в глаголе *округлять*, то *округляемость*, как свойство, способность быть округляемым, требует в словаре своего места. Увеличительные, умалительные и пр. показаны иногда в примерах, а красным словом тогда только, когда за ними есть особое значение, или когда они обратились в самостоятельные слова, утратив производный смысл, как напр. *рука* и *ручка, клеть* и *клетка* и пр.

Многие глаголы пополнены видами и, кажется, приведены в более ясный, отчётливый порядок, а спутываемые доселе в словарях, по сходству в некоторых частях своих, отделены и объяснены, как напр. *выкатывать, выкатать белье; выкатывать, выкатить бочку; выкачивать, выкачать воду;*

выкачивать, выкатить гривку выкроить, вырезать; вообще гл. *катать* и *качать, мешать* и *месить* и другие, особенно с предлогами, смешивались, и потому значение их объяснялось туманно и запутанно. Показано также замечательное превращение глаголов, не изменяющих при сём ни одной буквы, а по одному только смыслу, из одного вида в другой, напр. *Я сроду не выхаживал за город:* это грамматики зовут видом многократным; *я выхаживаю в неделю весь город; выхаживаю в рассыльных, по рублю в день*, это вид неокончательный или неопределённый.

Предложные глаголы нельзя было, по корнесловному порядку, присоединять к простым или коренным: это бы слишком затруднило отыскание их, да притом многие из них сами наплодили такое обильное потомство, что требуют отдельного места; но при каждом коренном глаголе показаны примеры сочетания его со всеми подходящими к нему предлогами.

При словах, где казалось полезным указать на происхождение или родство их, хотя такие родичи нередко, в силу азбучного порядка, разнесены друг от друга, указание это сделано в скобках, иногда в виде намёка и одним словом, а нередко и с вопросительным знаком, как дело нерешённое. Но это не значит, что такое слово признавалось корнем, ни даже ближайшим сродником объясняемого слова, а оба они сведены только рядом, в чаянии однородства их, и указанием этим два разрозненных гнезда связываются промежным звеном. При сём составитель словаря старательно избегал ошибочного производства (чему множество примеров у Рейфа) и боялся приговоров в таком тёмном деле. Ошибочная натяжка слова к чужому корню, по одному созвучию, много вредит изучению языка, лишая слово природной связи и жизни. Корнеслов Шимкевича вообще составлен гораздо основательнее Рейфа и с русским чувством, но у него почти голый список корней, без показания относимых к нему слов, что нередко ставит читателя в недоумение; так например, я не могу узнать, к какому корню относит он *бирка* и *бирюлька*: подходящего корня нет, а под *брать* показано одно только производное слово: *бремя*. Корня *бас* у него нет вовсе; куда же он относит *басый, баской, басить, басловка* и пр., — это неизвестно.

Указания на отечество чужих слов у меня вообще неполны и поверхностны; не пускаясь глубоко в корнесловие своего, а тем менее чужих языков, составитель указывает только на ближайший источник, на греческий, латинский, французский, немецкий язык, откуда слово перешло к нам, хотя бы оно и было испанским, арабским, еврейским или санскритским. Если бы пускаться в такие розыски, то все почти французские слова должны бы называться латинскими, готскими, кельтическими, а более половины чисто русских слов пришлось бы отнести к санскритским. Я также, в речениях науки или ремесла, большею частью не означал, с какого языка взято слово; морские выражения голландские и английские, горные — немецкие, военные — немецкие и французские, врачебные — латинские и греческие и пр. Думаю, что это всякому известно и что подобные указания, в таких словарях, как мой, не важны.

Грамматические указания в словаре вообще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; язык наш нынешней грамматике не поддаётся. Приложение слова к делу, отношения его в построении речи, управление или зависимость всюду объяснены примерами, и в них должно искать объяснения всех подобных вопросов.

При объяснении и толковании слова вообще избегались сухие, бесплодные определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учёности, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлечённостью. Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры ещё более поясняют дело. Само собою, что перевод одного слова другим очень редко может быть вполне точен и верен; всегда есть оттенок значения, и объяснительное слово содержит либо более общее, либо более частное и тесное понятие; но это неизбежно, и отчасти исправляется большим числом тождесловов, на выбор читателя. Каждое из объяснительных слов найдётся опять на своём месте, и там, в свою очередь, объяснено подробнее. Набирая однословы эти, собиратель не призадумываясь включал туда же и так называемые областные выражения, которые большей частью, могут войти в общий расхожий запас, как это объяснено было выше. Не мешает впрочем заметить, что, зная язык свой в крайне ограниченном объёме, в пределах нынешней письменности, мы всегда часто считаем областными выражения общие почти всей русской земле, потому что мы их не знаем, и что они доселе были чужды письменному языку.

В числе примеров, пословицы и поговорки, как коренные русские изречения, занимают первое место; их более 30 тысяч, они напечатаны тою же йскосью толкований. Объём этот ещё яснее означился словом *живого*, которое и указывает на желание захватить всё то, что среди нынешнего великорусского народа можно услышать или прочитать.

Такой объём, очевидно, включает и выражения местные, областные, и чужие, принятые из других языков; первые принадлежат народу, выросли на русском корне, много способствуют уразумению и обогащению языка, и приложены на обсуждение и выбор читателя, в коем предполагается, как уже было сказано, не школьник и не немец, а любящий язык свой земляк. О словах же иноземных замечу, что если ныне и никакому словарнику не угоняться за прыткими набирателями и усвоителями всех языков запада, то покрайности в словаре сём, с намереньем, не были опускаемы чужесловы, по двум причинам: во-первых, словарник не законник, не уставщик, а сборщик; он обязан собрать и дать всё то, что есть, позволяя себе разве только указания на неправильность, уклонения и примеры для замены дурного лучшим; во-вторых, долг его перевести каждое из принятых слов на свой язык, и выставить тут же все равносильные, отвечающие или близкие ему выражения русского языка, чтобы показать, есть ли у нас слово это, или его нет. От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе конечно не убудет; а помещение их с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка.

Переводы эти многих соблазняют и вызывают на глумленье; признаёмся, что на это пенять нельзя: где только, в применении малоизвестного слова, видна натяжка, а тем более во вновь образованном погрешность против духа языка, там оно глядит рожном. Мы не совсем ещё отстали от ошибочных убеждений шишковских времён, что чужие выражения должны переводиться дословно и заключать в переводе именно все те понятия, какие находятся в первых; обычай этот крайне затрудняет приискание равносильных чужим русских слов; ухо, привычное к *эмансипации*, *цивилизации, гуманности*, не находят этих знакоых звуков ни в одном русском слове, и потому, как ни переводи их, всё многие будут отвечать: нет, это не то. Но стоит только, приняв, обусловить выражение, и оно будет именно то! Переводы буквальные, требующие сварки двух-трёх слов, всегда почти бывают неудачны, потому что это противно духу нашего языка и что способ этот даёт слова неуклюжие, нередко ещё более дикие, чем чужое слово, которое хотят им заменить; но коли народ, не задумываясь умничаньем, без натуги, даст чему свою кличку, верно произведённую от одного, главного понятия, то, воля ваша, одна только причуда и утрата вкуса и чувства к своему языку могут чуждаться таких слов. Весьма трудно установить в деле сём правую середину, не вдаваясь в крайности: одни пытаются вводить слова не совсем удачно выбранные (ныне впрочем и это редкость), другие встречают их раз навсегда с предубеждением, весьма часто основанным на отчуждении от некнижного языка. Но ради сего нельзя же, махнув рукой, покинуть дело; казалось бы, сознавая весь вред и всё зло от наводнения и искажения языка чужими речениями, всяк должен противиться этому по своим силам. Если предлагаемые слова не сыщут одобрения и приёма у писателей, то может дадут повод к толкам и к отысканию других и лучших слов, и тогда цель наша очевидно будет достигнута. Замечу здесь однако же вторично по поводу намёка, которым собирались заподозрить добросовестность собирателя, что в переводах чужих слов могут попадаться в словаре изредка вновь сочинённые слова, отдаваемые на общий суд, но в красной строке или в числе объясняемых слов, *сочинённых мною слов нет*. Но даже и первые, большею частью, не сочинены вновь, а они есть, но им может быть доселе не было придаваемо именно этого частного значенья, или они вообще читателю не были известны. Если я, например, предложил вместо слова *автомат*, более понятное русскому слову *живуля*, то оно не выдумано мною, хотя и не употреблялось в сём значении; оно есть напр. в загадке: Сидит живая живулечка на живом стулечке, теребит живое мясцо (младенец сосёт грудь).

После сего понятно, для чего выражения русские, при объяснении их, между прочим, толкуются также и наоборот более или менее принятыми чужесловами: не для того, конечно, чтобы своё слово заменить чужим, а напротив, чтобы указать или напомнить, каким русским словом может быть заменено иноземное, нередко читателю более знакомое, чем своё, родное. Первое найдётся впрочем и на своём месте, где должно быть объяснено подробнее.

Надо также сказать несколько слов о правописи, принятой в словаре. Это дело у нас задача трудная; покуда пишешь сплеча (вот и спотычка: иной пишет *с плеча*, хоть наречию *сплеча* усвоено вовсе иное значение, чем речи *с плеча*; напр. *сними мешок с плеча*), так сходит с рук на всякий лад, а как приходится отдать отчёт себе и людям в каждой букве, да постановить общие и частные правила, то, нисколько не желая быть ни новщиком, ни отщепенцем, вынужден однако же решиться, в сомнительных случаях, на то, либо на другое, по крайнему разумению, и может быть иногда невольно впадаешь в крайности. Вот главнейшие, принятые в словаре правила:

1. Писать как можно ближе к общепринятому произношенью, насколько это дозволяют прочие, не менее важные правила, а самый обычай.
2. Стараться сохранить, без натяжки, намёк на производство, чтобы нагляднее осмыслить слово.
3. Не сдваивать букв, без прямой нужды, т.е. где говор этого не требует настоятельно, и потому писать: *вяленый, солёность*; также *алопатия,*

граматика, абат, коректура; буквы *р, с* никогда не сдваиваются, как довольно твёрдые по себе, почему и пишу: *касир*, и даже *руский* и *Росия*. Но *непременный, благосклонный* и пр. требуют сдвоения буквы *н*.

4. В слитных предлогах *воз, из, раз,* буква *з* иногда переходит в *с*, как объяснено в словаре, см. *воз*.

5. Букву *ѣ*, в коей был некогда смысл и значенье, как и в *юс*, а ныне отживающую век свой, нельзя выкинуть по привычке к ней, но можно её исподволь выжимать. Пишут *лѣкарь* и *лекарь, лѣчить* и *лечить*, и я беру второе, хотя другие славянские языки и указывают, что по-старинному, *лѣкарь* и *лѣчить* правильнее. Если мы пишем *одежда* и *надежда* (и наоборот: *сѣ́дла, звѣ́зды* — сёдла, звёзды), то к чему писать *свѣдѣнье*, ссылаясь на церковное *вѣдѣти*, когда в церковном же находим *рещи* и *речь*, и не ведомо к чему, пишем *рѣчь, нарѣчие*? Словом, где нет настойчивого требования на *ѣ*, там пишу *е*.

6. Предложные наречия, кажется, лучше соединять в одно слово: *насквозь, подлад, наподхват* и пр. Это тем нужнее, что нередко ударенье переходит на предлог, и чтобы показать это, надо бы связать его соединительной чёрточкой (ударение на односложном слове без смысла), которой у нас не любят. Там, однако, где ударенье переходит на предлог, где указательная частица привешивается, или где два слова соединяются и получают новое, особое значенье, там лучше ставить эту чёрточку, как напр. *идти пó-воду, зá-реку, пó-хорошему мил;* а также: *лошадь-та, ребята-те, мужик-эт*; или названья: *земляной-ладань, калмыцкий-чай, мыший-горох*.

7. В чужих словах мы не должны принимать правописание иноземное, а должны писать слово, как оно произносится русским, не знающим чужих языков; и если слово переиначено в говоре на русский лад, то тем и лучше, тем легче оно может быть усвоено. Требованье — знать и соблюдать в русском языке правописание испанское, итальянское, английское, немецкое, французское, турецкое — очевидно нелепо. Там и самые буквы произносятся иначе, и в таком виде слово не может войти в обиход.

При обработке словаря своего, составитель его следовал такому порядку: идучи по самому полному из словарей наших, по академическому, он пополнял его своими запасами; эта же работа пополнялась ещё словарями: областным академическим, Бурнашева, Анненкова и другими, всё это сводилось вместе, на очную ставку, иногда, по словопроизводству, делались справки у Рейфа и Шимкевича, и затем, собрав слова по гнёздам, составитель пополнял и объяснял их по запискам своим и по крайнему своему разумению, ставя вопросительные знаки, где находил что-либо сомнительное.

В академическом словаре показано 114, 749 слов; за исключением из этого причастий, имён умалительных, увеличительных, да слов вовсе неупотребительных и, по неуклюжему, нерусскому складу, вовсе непригодных, полагаю примерно в остатке 100 т. слов; из прочих словарей добавлено, как полагаю примерно же, поболее того, что было откинуто, может быть до 20 т.; сколько слов затем пополнено вновь из записок моих, я смогу сказать только по окончании всего труда, но знаю, чт их будет никак не менее 70-ти или 80-ти т.* Не воображайте однако, чтобы прибавка эта состояла вся из слов коренных или неслыханных доселе областных выражений; напротив, девять десятых из них простые, обиходные слова, не попавшие только доселе в наши словари именно по простоте, по безвычурности и обиходности своей: словари набирались из книг, а книги пишут, взбираясь на ходули и подмостки. Мы с неба звёзды хватаем, а под ногами ничего не видим.

> **. На букву А дополнено 500 слов, на Б — 2000; на В — 4500; на Г — 1200; на Д — 3330; на Е — 200; на Ж — 370; на З — 7230; на И — 3440; на Л — 1220; на М — 2300; на Н — 9280; прочие не сочтены.*

Независимо от пополненного, противу прочих словарей, числа слов, много прибавлено объяснений, по различным их значениям. Казалось неудобным показывать число этих значений резким их разделением, цифрами, а потому они отделены одно от другого знаком (||), так что следующие за таким знаком толкование всегда относится к ближайшему *красному* слову.

Первое признательное слово моё, по сему делу, должно быть обращено к словарям Академии, общему, на коем весь труд основан, и областным, коими запасы мои пополнены; затем я должен сказать искреннее спасибо и всем прочим русским словарям, служившим для справок и поверок.

Я обязан также благодарить всех, сообщавших мне в течении последних 25-ти лет, по разным вызовам и частным просьбам моим, сборники слов, заметки, объяснения и запасы: назвать я мог бы только немногих, упустив в своё время записывать для памяти, что и от кого получено. Из сотни имён, я теперь не мог бы вспомнить и десятка. Все подачки эти расстрижены на рубезки и разобраны по своим полосам, без всяких отметок. Надеюсь, что такое упущение с моей стороны никого не заставит пожалеть о сделанном добром деле.

Помощников в отделке словаря найти очень трудно, и правду сказать, этого нельзя и требовать: надо отдать безвозмездно целые годы жизни своей, работая не на себя, как батрак. Таких помощников или сотрудников у меня не было; мало того, по службе и жизни вдали от столиц, даже почти не было людей, с которыми бы можно было отвести душу и посоветоваться в этом деле. В сём отношении нельзя не помянуть мне, однако, двух дружески ко мне расположенных людей, в которых я находил умное и дельное сочувствие к своему труду: А. Н. Дьяконова, уже покойника, бывшего инспектора корпуса в Оренбурге, и П. И. Мельникова, в Нижнем. Но когда я первый правочный лист словаря выслал Н. И. Гречу, чтобы он сообща со мною порадовался началу успеха заветного труда, то этот 75-тилетний делатель, несмотря на вражду мою с грамматикой, настоял на высылке к нему по почте каждого правочного листа, возвращаяя его с поправками и заметками своими ко мне, в Москву; а когда я отговаривался, совестясь затруднять его таким нескончаемым трудом, то он отвечал: «Дайте мне умереть за этой работой!» Заметки этого заслуженного уставщика грамоты были мне крайне полезны, охранив меня от многих промахов; и если они не все безусловно мною приняты, то это уже сделано сознательно, или по необходимости, чтобы не нарушить целостности принятых однажды, право или неправо, оснований.

Оканчивая сим напутное слово своё, составитель обязан объявить, по какому случаю словарь его, вовсе неожиданно, поступил в печать.

По прибытии его в Москву, зимою на 1860-й год, Общество Любителей Русской Словесности, почтившее его уже до сего званием члена своего, пожелало узнать ближе, в каком виде обрабатывается словарь, и что именно уже сделано. Отчет в этом отдал он запискою, читанною в заседании общества 25-го февраля (за сим прилагаемой) и напечатанной в первой книжке «Русской Беседы» за тот же год.

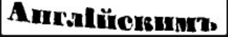
Горячо и настойчиво отозвалось на это всё Общество, под председательством покойного А. С. Хомякова, и тотчас же предложено было, не откладывая дела, найти средства для издания словаря.

Дело составителя было при сём заявить о всех затруднениях и неудобствах, какие он мог предвидеть, давно уже сам обсуждая это дело. Словарь доведён только ещё до половины, и едва ли прежде десяти или восьми лет может быть окончен; собирателю под 60 лет; издание станет дорого, а между тем, вероятно, не окупится; кому нужен неоконченный словарь?

Но нашлось несколько сильных и горячих голосов — и первым из них был голос М. П. Погодина — устранивших все возражения эти тем, что если видеть всюду одни помехи и препоны, то ничего сделать нельзя; их найдётся ещё много впереди, не смотря ни на какую предусмотрительность нашу; а печатать словарь надо, не дожидаясь конца его и притом не упуская времени. Самая печать неминуемо должна была продлиться несколько лет, а потому будет ещё время подумать об остальном, лишь бы дело было пущено в ход.

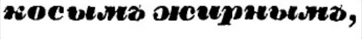
Тогда поднялся ещё один голос, А. И. Кошелёва, с другим вопросом: чего станет издание готовой половины словаря? И по ответу, что без трёх тысяч нельзя приступить к изданию, даже рассчитывая на некоторую помощь от выручки, деньги эти были, так сказать, положены на стол.

Оставалось заняться частностями дела и приступить к печати. Выбор, а затем, частью, и отливка шести разных наборов, и другие приготовления печатни, скрали почти полгода; правка такой книги, как словарь, тяжела и мешкотна, тем более для одной пары старых глаз; вот причины медленности выхода словаря; но, что зависит от составителя, то конечно одна только смерть или болезненное одряхление его могли бы остановить начатое.



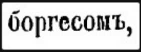
Англійскимъ

набором набраны слова в красную строку, во главе гнезда или семьи своей;



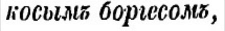
косымъ жирнымъ,

все прочие красные слова каждого гнезда, толкуемые, но поставленные в строку;



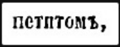
боргесомъ,

самое толкование слов, прямой перевод и значение красных слов;



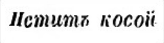
косымъ боргесомъ,

все примеры в том числе и пословицы и поговорки и пр.;



петитомъ,

все объяснения грамматические, заметки о языке, о словопроизводстве, указания на чужие языки, на ремёсла науки, искусства, сословия, также пояснения пословиц и оборотов речи, если объяснения эти не относятся до толкуемого слова; заметки об обычаях, для уразумения примеров или самых толкований и пр. Частица *или*, напечатанная сплошным набором, боргесом, означает, всё равно, одно и то же; петитом, в толковании, значит: либо, т. е. разницу; однословы, в красной печати, местами отделены этой же частицей, в первом значении её.



Петитъ косой

показывает местность, где слово в ходу (а иногда только где оно записано, слышано, хотя из этого не следует, что оно не было известно и в других местностях, как яснее видно из прилагаемого ниже обзора русских наречий и говоров), им же набраны примеры предложных глаголов, при всяком простом глаголе, и наконец, он встречается в прямом петите, для отлики, как вообще употребляется и́скось.

Поперечный отдел (||) отделяет другое значение слова, за разделом сим объясняемое; звёздочка (*) показывает иноречие, иносказательное, переносное, окольное значение слова; вопросительный знак (?), если он не в порядке речи, сомненье; он поставлен у всех слов, которых правильность, или даже самая бытность, в том виде, как они написаны, сомнительны, или где толкованье, объяснение рождало недоверчивость. Скобки, кроме своего обычного значенья, включают целые слова и даже речи, либо слоги и буквы, добавочные либо заменительные, как это довольно ясно из смысла речи; так напр. в поговорке: *Пословица не мимо (не даром) молвится*, вставка означает, что замест *не мимо* иногда говорят: *не даром*; а в словах: *га(о)лдить, взра(о)щать, втерпёж(ь)* и пр. что говорят и пишут так и сяк, что поставленное в скобки может заменит отвечающий ему слог или букву. Так как словарь мой предназначен для русских, то в этом деле кажется не может выйти недоумений.

Значенье ударений всякому известно; в немногих случаях они опущены по ненадобности или по недосмотру, а с намереньем — там только, где ударение сомнительно или произвольно и по обычаю переносится туда и сюда. Два ударения на одном слове означают, что говорится двояко*.

> *. *Северный и восточный великорусские говоры всегда почти держатся своего ударенья (на первые и средние слоги), а южный и западный другого (на средние и последний); Москва более держится второго, а Питер нередко своего третьего, немецкого. Так слово **робить**, не только на Украине, но и на всём юге от Москвы, произносится **робúть**; а на севере, где оно в большом ходу, **рóбить**. Сюда же относятся: **ворóта** и **воротá**, **далёко** и **далекó**, **высóко** и **высокó** и пр. В говоре новгородском встречаем местами довольно странный, по некоторым признакам старинный, перенос ударенья на первый слог, противоположно польскому и наперекор общепринятому, как напр. **твóрог**, **ни-óдного**, **óкрестясь** и пр.*

Сокращения приняты обычные и понятные, более по грамматике: *м.* — мужеский род, *ж.* — женский, *ср.* — средний, *об.* — общий; но общими же *(об)*, не по роду, а по смыслу, по значенью своему, отмечены отглагольные имена короткого, русского (не славянского) окончания, как напр. *лом* и *ломка*, *выбор* и *выборка* и пр. Объясним это примером: От гл. оговаривать, оговорить, прямо выходят имена: *оговариванье*, *оговорение*, *оговор* и *оговорка*; первое по значению своему, можно назвать *длительным*, второе — *окончательным*; а два последних — *общими*, т. е. одинаково отвечающими тому и другому значенью, что в словаре и показано при таких словах отметками: *дл. ок. об.* Далее: число, *ед.* — единственное, *мн.* — множественное, *собр.* — собирательное; *мнгкр. однкр.* — многократное, однократное; прочие сокращения, как: *сщ, прл. нар. прдл. со. прч. мест.* и пр., означающие известные части речи, понять не трудно.

Губернии также означены сокращённо: *ряз. каз. тмб.* и пр., а иногда при них и уезд, отделённый не точкою, а чёрточкою, как: *кстр.-кол. арх-шнк.* и пр. В случае сомнения насчёт уезда, любой старый календарь, в своей росписи городам, разрешит недоуменье. Нередко местность слова, общая целому краю, означена только стороною света, считая от Москвы: *сев.* — северное наречие или новгородское, в своём общем, обширном смысле; *юж* — южное, рязанское, к которому относится и речь всех соседних губерний; *вост.* — восточное или владимирское, общее всему краю этому, не исключая и Сибири; *запд.* — западное, смоленское, от Белой-Руси, идущей полосою по ляшским пределам, до столкновения с Малою-Русью. Здесь названия: *северное, восточное* и *западное* сполна отвечают делу, но *южное* не столь определительно, и даже иногда сбивчиво, относясь не к рязанскому наречию, а к малорусскому, которое отзывается в Курске, Воронеже, Орле и пр.

Слова церковные и старинные отмечены: *стар. цер.*, а указания на другие языки: *греч. лат. фрн. англ. нем. белрс. малрс. татр.* и пр.; тем же набором сделаны, в сокращении, указания на науки, ремёсла: *физ. хим. матм. воен. морс. фабрч. горн. кузн. столр.* и пр. Не менее понятны сокращённые отметки: *пес. сказ. шутч. бран.* и пр.

Кончая напутное слово своё этими сухими и скучными объяснениями, составитель словаря ещё раз благодарит от души всех любителей слова, доставивших ему запасы или заметки, и усердно просит всякого сообщать ему и впредь, на пользу дела, пополнения к словарю, замечания и поправки, насколько что кому доступно.

Влд. Ив. Даль.

1 июня, 1862